

саморозвитку особистості, потребує звернення сил до божественного, того, що перевищує власні людські сили й можливості, що скеровує людину в вічність, так що вона стає її частинкою тут-і-зараз. Саморозвиток особистості відбувається через звернення та взаємодію зі світом речей і суспільством, тоді як розвиток самості – завдяки зверненню до божественного. Скеровуючись до Бога, людина відшукує та певною мірою відновлює втрачену нею богоподібність. Вона проєктує себе на божественне. Завдяки цьому має місце самоперевершення. Самозаперечення при розвитку самості передбачає в певному сенсі відмову людини від самої себе, її входження в благодать Божу, віддання себе в руки Бога. Останнє можливо досягнути лише в спосіб формування смиренності та покірності духу, повної довіри до Бога за прикладом Ісуса Христа. Як каже з цього приводу Апостол Павло, «Він, існуючи в Божій природі, не вважав за здобич свою рівність з Богом, а применшив себе самого, прийнявши вигляд слуги... понизив себе, ставши подібним до людини» (Фил. 2:6-7) [3].

5. Як слушно наголошують В. О. Лозовой та Л. М. Сідак, «наша цивілізація пропонує багато паліативів, які дають змогу людині не усвідомлювати свою самотність» [1, с. 200]. Причин такого явища низка, серед них зокрема: раціоналістично-прагматична скерованість сучасної людини, зорієнтованість на отримання різного роду задоволення, споживацька культура, шалений інформаційний потік, що впливає на свідомість, та ін. Таким чином, надаючи можливості людині не думати про самотність і не почуватися самотньою, відбувається посилення особистісних орієнтацій і все більший відхід від орієнтацій на самість. Приглушення самотності чимось ззовні призводить до «занепаду» самості в людині. Особистість актуального часу володіє різноманітними засобами та способами для саморозвитку, однак, будучи поглинутою зовнішнім та зорієнтованою на собі, вона відштовхує від себе божественне, доступ до якого можливий лише через глибоко внутрішні зв'язки, в спосіб діалогу з Богом. Завдяки цьому розвиток самості залишається практично неруханою справою. Ця сфера відносин між людиною та Богом у напрямку до пошуку та відновлення своєї богообразності залишається ентузіастам, особам «характеру», які усвідомлюють важливість перебувати в вічності вже тут-і-зараз.

Список використаних джерел:

1. Лозовой В. О., Сідак Л. М. Саморозвиток особистості у філософській рефлексії та соціальній практиці. Монографія. Х.: Право, 2006. 256 с.
2. Розенцвейг Ф. Звезда избавления. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2017. 544 с.
3. Святе Письмо Старого та Нового завіту / пер. І. Хоменко. Львів: Свічадо, 2007.
4. Франк С. Л. Непостижимое. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183–559. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/nepostizhimoe/ (дата звернення: 11.03.2021).

Г. Д. Панков,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры культурологии,
Харьковская государственная академия культуры, Украина

СОВЕРШЕНСТВО КАК ДУХОВНО-МИСТИЧЕСКИЙ АКТ В ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

1. Христианская антропология представляет собой один из вариантов религиозно-персоналистической парадигмы, утверждающей ценность личности в значении ее партиципации с Богом, но не с социумом, как это очевидно в широко распространенной антропологии социологизаторской ориентации. При таком разграничении в настоящих тезисах не ставится задачей противопоставить обе антропологические парадигмы, но только выделить и проанализировать христианскую персоналистическую мысль в виде альтернативы, сопresentствующей с разнообразными антропологическими проектами, признанными актуальными в среде современников. Осмысление названной традиции будет осуществлено не в дискурсе христианской апологетики, но в контексте компаративного исследования, нацеленного на уяснение специфики рассматриваемого явления в мозаике общественной и гуманитарной мысли.

2. «Итак будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48). В приведенных словах из евангельской Нагорной проповеди запечатлен смысл теистического взгляда на проблему совершенства. Теистическая антропология, традиция которой разделяется христианской мыслью, раскрывает идею партиципации с Богом в учении о человеке как об образе и подобии Бога. Евангельский императив «будьте» указывает на обожение как на высшую цель и ультимативную стратегическую задачу жизненного устремления со стороны каждого человека. Однако специфика христианского взгляда на совершенство личности определяется христоцентрической ментальностью в ее дополнении к теистической парадигме:

«Я есмь дверь овцам: кто войдет Мною, тот спасется...» (Ин. 10:9); «Я есть путь, истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). В христианской теологии Сын Божий представляется образцом святости, в котором осуществлена гармония божественной и человеческой природы в одном лице. Святость рассматривается идеалом, а фигура святого – антропологическим его носителем. В таком случае, согласно христианской традиции, идеалом духовного совершенства представляется состояние обожения как партиципация с Иисусом Христом и Богом Отцом через святость, а путь к совершенству – через подражание Христу.

Совершенство в качестве духовной интенции отчетливо обнаруживается в учении апостола Павла, в котором противопоставляются две стратегические альтернативы в свободном выборе человеком одного из направлений жизни – «жизнь по плоти» и «жизнь по духу». «Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности» (Рим. 8:9-10). В приведенной ситуации значение духовности не мыслится вне теистического и христоцентрического контекстов, на фоне которых подлинное совершенство признается только при условии божественной ориентации жизненного смысла. Для этого необходимо прочно и основательно ввести Дух Божий в качестве руководящей и направляющей силы индивида. Введение Духа, удержание и использование его в жизненном процессе представляются существенными актами духовного творчества личности.

Совершенство рассматривается в значении созидания Царства Небесного в себе самом. Известное высказывание Иисуса Христа «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21) ориентирует на спиритуалистическое его истолкование в виде духовно-божественного пространства в глубине человеческого естества, средоточием которого выступает сердце. Применительно к приведенному взгляду в христианской мысли сформировалась и продолжается развиваться кордологическая антропология, концентрирующая главное внимание на идее чистоты сердца как необходимом условии невидимого пребывания в нем Святого Духа, или Христа. В очищенном от мирских страстей сердце усматривается оптимальное состояние духовной коммуникации между Богом и человеком.

Приведенная концепция отвергает широко распространенный натуралистический взгляд на Царство Небесное в качестве места жизни святых в заоблачной высоте с райскими садами, которое наступит в будущем времени. Его наступление для каждого человека переносится из будущего времени во время земной жизни в случае, если Бог посетит очищенное от страстей сердце, и завершается полнотой святости, означающей вечное присутствие Бога в сердце индивида. Праведник, вставший на путь совершенства, уже может считаться носителем святости, поскольку Бог незримо нисходит в его сердце и осуществляет в нем свою царскую власть. Таким образом, сердце выглядит полем мистической встречи праведной души с Богом, что указывает на совершенство как духовно-мистический акт.

3. Идейным базисом взгляда на совершенство как на духовно-мистический акт служит убеждение о невозможности его достичь в земной жизни чисто человеческими методами, поскольку, согласно мысли апостола Иоанна, мир лежит во зле (1 Ин. 5:19). Необходимо сверхъестественное вмешательство, для чего от христианина требуется упование исключительно на Бога, а также на спасительный дар со стороны Иисуса Христа и на благодать Святого Духа. Диалектика божественного и человеческого трактуется с точки зрения их обоюдной устремленности друг по отношению к другу. Из этой взаимной устремленности образуется богочеловеческая жизнь, которая наделяется качеством жизненной полноты. Христологическая терминология наделяет жизненную полноту значениями жизни во Христе, жизни со Христом, а также жизни самого Христа в человеческом сердце и душе. Эти значения выражают горячее желание мистика максимально сократить дистанцию между божественным Христом и земным человеком в ситуации интимной партиципации в душе и сердце. Именно там мистик напряженно стремится отыскать Христа с надеждой приобрести от Него духовную силу. Высказывание апостола Павла о духовном сораспятии Христу, позволяющему жить Сыну Божьему в обновленной душе и теле, мертвом для греха (Гал. 2:19-20), означает добровольное пожертвование в пользу Бога собственной индивидуальности. В данном случае следует признание, что «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Оно указывает на осознание жертвенного посвящения собственного «я» божественной воли и переориентацию личной жизни на новозаветные стратегические рельсы.

Наглядным образцом жертвенной мистики служит Пролог известного произведения Г. Сковороды «Наркіс. Розмова про те: пізнай себе», в котором представлен образ мистика в его напряженном стремлении к самопознанию. Мистик совершает предельную концентрацию собственного сознания на своей природе и не допускает его рассеяние «по околицам». Истинной человеческой природой им признается исключительно душа, а ее средоточием – сердце, но не плоть с ее интенцией на ценности, противоречащие духовным устремлениям личности. В результате напряженного мистического всматривания

сковородиновский Наркис обнаруживает в своей природе лик Христа, фигуру которого выдвигает на центральное место в собственной натуре, вытесняя на периферию свое эмпирическое «я». Транспозиция сознания от эмпирической реальности к трансцендентному состоянию в процессе мистико-созерцательной практики рассматривается актом духовного совершенства и указывает на фигуру мистика как на трансцендирующую личность.

4. Идеал святости призван захватить сознание христианина, от которого требуется настройка жизненной позиции в направлении принятия идеала и следования ему. Если принять убеждение мистиков о незримом божественном посещении души и сердца человека, от последнего требуется твердое решение принять в их недрах Христа и Святого Духа. Для этого настойчиво указывается необходимостью переориентировать интенцию души и сердца с «житейской суестьи» в глубину собственной природы, чтобы заняться там духовной работой. От подвижника требуется проведение регулярной уборки своей души, чтобы сделать ее храмом Бога, вырывать из сердца плотские страсти, чтобы устроить из него достойную обитель для Бога. Вырвать из сердца плотские страсти означает полное освобождение души от «господства плоти» и от угрозы духовной смерти. Осуществление поставленной задачи реализуется через аскетическую этику, рассматриваемую в качестве подражания Христу. Аскетическая этика требует добровольного самопожертвования – всецелого посвящения Богу собственной самости ценою отказа от центрирования «плотского я» и «соблазнов плоти». Мистика восхождения к Богу безусловно предусматривает этико-аскетическое измерение, включающее в свое содержание два существенных аспекта – «этику разрыва» с «миром», под которым подразумеваются плотские страсти, и «этику восхождения» в ее теоцентрической и христоцентрической парадигме.

5. Таким образом, совершенство как духовно-мистический акт христианского подвига представляет собой путь в направлении радикальной трансформации человека, процесс которого характеризуется блокированием социально значимых ценностей как необходимого условия освобождения личности от власти социума и ее теистическую гетерономию. В такой ситуации общество теряет свое значение ведущей силы в воспитании и образовании личности, уступая место двум основным детерминирующим факторам – божественному и человеческому, взаимное устремление которых образует духовно-мистическую ситуацию трансцендирующего акта. Между тем, процесс персоналистического трансцендирования необходимо требует опоры мистико-созерцательного акта на аскетическую этику очищения души и сердца. Очевидно, что в христианской мистике духовного совершенства обнаруживаются аскетические нравственные контуры, придающие духовному процессу отчетливое этическое выражение.

G. K. Kurmangalieva,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor
Chief Researcher at the Institute of Philosophy,
Political Science and Religious Studies CS MES RK*

A. Zh. Yerzhanova,

*PhD student, Scientific Secretary of the Institute of Philosophy,
Political Science and Religious Studies CS MES RK*

CULTURAL HERITAGE OF THE PAST AND NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS

The full functioning of society and its consciousness is impossible without its past, just as a deeply thought-out study of the past, independent of the present, is impossible. The essence of the modern appeal to the heritage of the past, to a deep understanding of national history, is in the search for identity, in strengthening national sovereignty in the face of the challenges of globalization, as well as in finding a stable basis for the full functioning of Kazakhstan in the domestic political and world arenas. Relying on the heritage of the past, it is possible not only to form a society of «progressive ideals», but also to make the cultural heritage of the past a structure-forming principle of the formation of national identity and the basis for the upbringing of a new Kazakhstani patriotism.

One of the most serious factors in Soviet history that contributed to the belittling and infringement of the rights of Kazakh history and culture was the thesis of «idealizing the past». It was proclaimed an ideology that forgot the past in the name of building a new world and establishing new ideals and values. The ideological reluctance or inability to find a «golden mean», to develop a place of the heritage of the past adequate to the cultural status has led to the phenomenon of «mankurtism» in Kazakhstani society. Its appearance was also largely facilitated by the curtailment of the zone of real functioning of the Kazakh language, primarily in science, education, and public policy. Under the pretext of a largely contrived thesis of «idealization», supported by the principle of partisanship in the analysis of the phenomena of the past, whole pages of history and culture, including those representing the legitimate pride of the Kazakh people, were unreasonably consigned to oblivion.